

КАРТИНА МИРА

С.В. Крюкова¹

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Е.А. Кожемякин²

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

(на материале произведений Дж. Оруэлла, Е. Замятина и В.
Сорокина)

Взаимосвязь между языком, коммуникацией, знанием и поведенческими структурами в романах-антиутопиях позволяет наблюдать механизмы идеологического моделирования социальной действительности посредством языка. Особое внимание уделяется нравственной и интеллектуальной реконфигурации человека, идеологической манипуляции сознанием с помощью речевых практик. Чтобы воспроизвести в сознании реципиентов «правильную» модель мира, её предъявляют в идеологическом дискурсе как модально и оценочно инвариантную, что конституируется лингвистически и коммуникативно.

Ключевые слова: языковое моделирование, языковая модель мира, художественный дискурс, антиутопия

¹ Светлана Владимировна Крюкова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород)

² Евгений Александрович Кожемякин – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород)

S.V. Kryukova

Belgorod National Research University

E.A. Kozhemyakin

Belgorod National Research University

ISSUE OF LANGUAGE MODELLING OF SOCIAL REALITY IN FICTIONAL DISCOURSE

(by works of G. Orwell, E. Zamyatin and V. Sorokin)

Interrelations between language, communication, knowledge and behavioral structures in anti-utopic literary works reflect the mechanisms of ideological modelling of social reality by means of language. The writers depict the moral and intellectual reconfigurations of human beings under ideological impact, and they reveal the strategies of ideological manipulation with mass consciousness through speech practices. To reconstruct the “true” model of world, communicators represent it in ideological discourse as valuably invariant. They constitute such models linguistically and communicationally.

Keywords: language modelling, language worldview, fictional discourse, anti-utopia

Введение. Вопросы взаимосвязи между языком, коммуникацией, знанием и поведенческими структурами являются одними из ключевых не только для исследователей в области когнитивной лингвистики, но и для многих авторов художественных произведений. В литературе трактовка этих вопросов получает, как правило, метафорический, антиутопический характер. Среди наиболее известных и обсуждаемых работ такого рода можно назвать произведения Евгения Замятина «Мы», Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», Андрея Платонова «Котлован», Карела Чапека «Война с саламандрами», Айн Рэнда «Гимн», современные произведения в жанре киберпанка, книги Виктора Пелевина, Татьяны Толстой, Анатолия Курчаткина, Владимира Сорокина и многих других. Показательно, что наиболее резонансные произведения создавались в условиях становления или расцвета тоталитарных и авторитарных режимов как своего рода форма социальной диагностики и

символического предупреждения аудитории о возможной социальной, политической, культурной катастрофе.

С точки зрения когнитивного подхода [см., например: Мишанкина, 2010] важно установить наиболее существенные дискурсивные средства, которыми оперируют авторы антиутопических художественных произведений с целью репрезентации и модусного описания социальной реальности. Ментальная картина мира, продуцируемая средствами художественного дискурса, обладает рядом черт, имманентных этому типу дискурса. Одной из них является вымышленный характер ключевых фрагментов картины мира этого типа, что подразумевает снятие требования объективности, достоверности и точности транслируемой информации в художественном дискурсе. По замечанию Джон Сёрля, автор литературного художественного текста занимается «необманым псевдоосуществлением речевых актов, притворяясь, будто дает нам отчет об определенном ряде событий» [Сёрль, 1999, с. 37]. В то же время социально ориентированный, критический и прогностический характер антиутопических произведений литературы, то есть её эксплицитно реалистическая позиция в определенном смысле контрастирует с этой особенностью художественного дискурса. Каким образом преодолевается этот когнитивный парадокс и какие средства при этом используются для достижения прагматического эффекта художественного дискурса – такова проблема нашего исследования. Заметим, что нас будет интересовать не весь разнообразный и безграничный объем антиутопий, а те произведения, в которых интерпретируется проблема языкового моделирования реальности, то есть случаи, в которых, как сформулировал Джон Сёрль, «осуществляемые всерьез (то есть, нехудожественные) речевые акты могут быть переданы посредством художественных текстов» [Сёрль, 1999, с. 47].

В антиутопических произведениях особое внимание уделяется механизмам конструирования социальной реальности, нравственной и интеллектуальной реконфигурации человека, идеологической манипуляции массовым (коллективным) сознанием, значительная роль при этом отводится языковым (речевым) практикам. В этом контексте наиболее ярким и влиятельным произведением является роман Джорджа Оруэлла «1984».

В этом произведении автор описывает антиутопическую ситуацию языкового моделирования в идеологически-пропагандистских целях и шире – в целях конструирования новой социально-политической реальности. В этой связи фрагмент его книги, посвященный описанию «новояза», может быть проанализирован с точки зрения теории когнитивной лингвистики в контексте языкового моделирования картины мира, создания при помощи языковых единиц конструкта новой реальности, в которой получают «обоснование» новые социальные процессы. В.М. Сергеев поясняет одно из ключевых положений лингвокогнитивного подхода следующим образом: «суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего, но не обязательно повторяют их» [Сергеев, 1987, с. 7]. Уточним, что фундаментальная задача коммуникаторов в идеологизированной (тоталитарной) коммуникации заключается не столько в более или менее приближенном соотнесении моделей мира коммуникантов, сколько в максимально полном воспроизводстве в сознании реципиентов идеальной («правильной», «единственно верной», «оптимальной» и т.п.) модели мира. Языковые конструкты создаются с целью внедрения в сознание адресата необходимых в новом обществе когнитивных моделей, а также с целью вытеснения устаревших, отживших – «старых» моделей. Новые языковые единицы, правила и законы языка призваны были «очистить» сознание его носителей, сделать его однотипным, шаблонным и универсальным: чтобы «вредные» идеи не могли быть не только выражены, но даже «измыслены».

«1984»: лёгкость выговаривания лжи

Во фрагменте книги, посвященном описанию особенностей нового языка тоталитарного общества, Оруэлл демонстрирует взаимообусловленность управляемых языковых трансформаций и идеологических знаниевых структур. По сюжету повести, с целью «формирования нового человека», «нового мышления» и в целом новой (безусловно, тотально идеологизированной и контролируемой) социальной реальности закрытая группа идеологов и «социальных инженеров» формирует новый язык («новояз»), призванный заместить

собой старый национальный язык («старояз»). Трансформация языка (его лексической и грамматической структур), по замыслу идеологов, приведёт к трансформации сознания и, как следствие, – к трансформации поведения и образа жизни граждан, поскольку изменение языковой картины мира предполагает изменение ментальных моделей и сценарно-фреймовых структур.

Конечно, процесс внедрения нового языка не мог происходить быстро: в романе на это отводится не менее ста лет; не мог этот процесс идти равномерно во всех слоях общества, так как «нутрение» идей англоса сопряжено с глубокими идеологическими преобразованиями.

Как указывал Т. ван Дейк, «контроль осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знаний, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, контроль над сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто контролирует дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями» [ван Дейк, 2013, с. 27].

Рассмотрим основные способы трансформации языка в новояз и их идеологические эффекты и социальные (политические) корреляции.

Автор романа наиболее подробно рассматривает преобразование лексики языка, поскольку это наиболее изменчивый, тесно связанный с общественными процессами уровень языка. Кроме того, лексический уровень обеспечивает реализацию номинативной функции и функции оценки, что позволяет внедрить в сознание новые идеи и сконструировать новую систему ценностей.

Семантическое упрощение. В новоязе наблюдается искусственное упрощение семантики словаря, причем эта стратегия применяется в четырёх основных аспектах.

Во-первых, семантическое упрощение происходит за счёт *зонтичного использования* слов, когда одним концептом обозначается достаточно широкий пласт феноменов реальности (например, «мыслепреступление», которое семантически вмещает в себя все

лексические единицы, выражающие понятия свободы и равенства, или «старомыслие», выступающее в качестве зонтичного аналога слов со значениями «рациональность», «объективность» и т.д.).

Во-вторых, семантическое упрощение достигается за счёт искусственного сужения спектра значений – как денотативных, так и коннотативных (например, слово «свободный» лишается значений «независимый», «самостоятельный», «не зависящий от кого-либо» и оставляет за собой только значение «просторный» («свободные сапоги») или «не занятый» («туалет свободен»). В том случае, если слово имело несколько значений, то его семантика упрощалась, сужалась до обиходно-бытовой (прилагательное «свободный»). Такая лексика не могла быть использована для решения интеллектуальных задач: литературные и публицистические произведения с её помощью не могли быть созданы.

В-третьих, исключение из тезауруса слов, выражающих «неактуальные» понятия, т.е. слов, которые могут быть исключены из практик повседневного общения с целью максимальной утилитарной прагматизации языка и, как пишет сам Оруэлл, «сужения горизонтов мысли». Словарь А, содержащий лексические номинации повседневных бытовых действий, фактически ориентирован на формирование и закрепление базовых кинестетических образов-схем.

Словарь В состоял из слов, которые одновременно называли явления, действия, признаки и т.д. и давали им оценку: положительную («благомыслия», «добросекс») или отрицательную («старомыслие», «мыслепреступление», «злосекс»). Объём значения подобных слов был чрезвычайно широк, это позволяло упразднить многие понятия, которые этими словами охватывались: *«все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, – в слове «старомыслие».*

Некоторые слова обладали «политической» оценочностью: выражение ими положительной или отрицательной оценки зависело от коммуникативной ситуации («речекряк»).

В-четвёртых, семантическое упрощение достигается также и за счёт семантических смещений в лексическом составе языка (например, слово «писатель» в условиях автоматизации писательских практик,

сведения их к последовательностям клишированных действий, начинает означать «карандаш»).

В целом, семантическое упрощение как способ языкового моделирования служит реализации политических функций тоталитарной идеологии (формирования единообразной, политически ангажированной, обязательной к манифестации и мифологизированной картины мира) и социальной стандартизации (регламентация социального порядка, системы предписаний к социальным отношениям и действиям). Исключение семантической вариативности единиц словаря предполагает конструирование картины мира с ограниченным и контролируемым набором референциальных связей, а, следовательно, – прагматическую инвариантность и прогнозируемое социальное поведение.

Грамматическое упрощение. Этим же политическим функциям идеологии служит способ *упрощения грамматических норм*. В новоязе правила склонения, спряжения и т.п. максимально унифицированы, подчинены стандартным, общим правилам. Унификация грамматики также предполагает унификацию отношений внутри языковой картины мира, следовательно – унификацию представлений о характере связей между явлениями действительности, главным образом – социальной.

Новая грамматика демонстрирует алогизм, упрощение и стандартизацию, которая ярко проявляется во второй особенности, о которой пишет Дж. Оруэлл: в формообразовании главенствует принцип регулярности. Этот принцип исключает возможность отступления от нормы, не допускает вариантных форм, устраняет многообразие лексико-грамматических групп (существительных и прилагательных) и грамматических категорий (например, глагольной категории переходности). Изменение грамматики в отдельных случаях детерминируется идеологически: «в соответствии с принципом покорения действительности». Подчеркнём, что этот способ языкового моделирования означает не достижение понятийной точности, а именно упрощение референциального поля лексических единиц. Принцип понятийной точности предполагает, что языковые средства используются для достоверного и объективного выражения онтологических феноменов; он означает, что различные коммуниканты будут иметь полное (то есть охватывающее весь спектр свойств и проявлений предмета познания) представление о феномене,

которое закрепляется с помощью понятия. Однако в случае с семантическим упрощением ситуация иная. Задача идеологов состоит не в том, чтобы максимально точно передать языковыми средствами объективное положение дел, но чтобы добиться необходимого положения дел за счёт использования языка. В этом смысле идеологический язык тоже максимально соотнесён с действительностью – однако не с онтологической, а с проективной; не с объективной (т.е. не зависящей от воли и намерений коммуникатора), а с субъективной (т.е. происходящей из воли и интенций идеолога). В этом смысле языковое моделирование социальной реальности в идеологической коммуникации нацелено на *объективацию субъективной действительности*, а точнее – *объективацию ложных семантических конструкций*.

Таким образом, семантическое упрощение представляет собой процедуру по сути противоположную понятийной точности: она применяется в целях достижения не эпистемической, а, скорее, прагматически утилитарной определенности; не аналитической, а синтетической точности. Так, использование слова «мыслепреступление» вместо слов «свобода» и «равенство» означает достижение не точности выражения, а определенности представления и оценки реципиентом ситуации. В этом смысле это слово более семантически неопределённо, но в то же время и более утилитарно, чем слова «свобода» и «равенство». Ключевой принцип, который реализуется в случае идеологического упрощения семантики и грамматики, – *«реальность такова, потому что мы так говорим о ней»*.

Эвфемизация. Способ эвфемизации, который не менее широко представлен в новоязе, также соотносится с конативной (воздействующей) функцией идеологии, поскольку предполагает смещения в области семантики и прагматики языка («лагерь радости» для обозначения каторжного лагеря, «министерство мира» для обозначения министерства войны и т.п.). Речь в данном случае идет не просто о подмене понятий и семантических абберациях, а о подмене оценочных, эмотивных компонентов языковых единиц: априори негативное явление, ассоциируемое с войной, страданиями, мучениями, предлагается оценивать как позитивное явление. Е.И.

Шейгал обозначает подобного рода проявления двоемыслия в языке термином «политическая энантиосемия» [Шейгал, 2004, с. 54].

Таким образом реализуется задача вуалирования и мистификации действительности, а для её выполнения активно привлекается оценочный инструментарий языка. Важным приёмом эвфемизации является также деперсонализация, при которой, например, одушевлённое местоимение “*whom*” («кого», «который», «чей»), указывающее на одушевлённые объекты, заменяется на местоимение “*that*” («что», «который»), указывающее на неодушевлённые объекты. Эта тактика целиком соответствует идеологической «логике» вмещения индивидуального коллективным, творческого – клишированным, личного – общественным.

Использование лексических оппозиций. С помощью лексических оппозиций происходит лингвокогнитивная категоризация социального и политического мира. Оппозиции маркируют референциальные противоположности, репрезентируя их как онтологические противоположности. Так, в новоязе присутствует возможность образования слова, противоположного по значению любому другому слову, с помощью частицы «не-» («*нелицо*», «*недонос*»), используются слова, выражающие широкие оппозиционные категории («*благомыслие*» – «*мыслепреступление*», «*добросекс*» – «*злосекс*», «*ангсоц*» – «*старомыслие*», «*новояз*» – «*старояз*»), а также «мнимые» оппозиции, две части которых являются взаимозаменяемыми в соответствии с идеологической логикой новояза («мир» – «война», «свобода» – «рабство», «знание» – «незнание» и др.). Интересно, что в последнем случае части оппозиции фактически выступают как предикаты одного высказывания и самореференциально определяют друг друга («*Мир – это война*», «*Война – это мир*», «*Свобода – это рабство*»). Посредством этой языковой тактики реализуется такое качество тоталитарного идеологического дискурса, как фантомность и эзотеричность. Новояз устроен таким образом, что тоталитарная идеология устанавливает саму себя посредством логического устранения внутренних оппозиций, и предельным – и в то же время логичным с точки зрения идеологического порядка – высказыванием такого рода было бы «Всё – это ничто» или «Ничто – это всё».

В целом, оппозиции структурируются по темпоральному принципу: негативная часть оппозиции чаще всего относится к

прошлому, а позитивная – к настоящему. Это также позволяет реализовать одну из базовых коммуникативно-прагматических задач идеологического дискурса – легитимация текущего положения вещей, что осуществляется в данном случае посредством маркирования как будто бы прогресса во времени (от плохого в прошлом – к хорошему в настоящем) или обозначения прошлого политического режима (который выступал в качестве политического оппонента настоящему режиму) как неприемлемого и имеющего противника в лице действующей власти.

Аббревиация и словосложение. Посредством процедур аббревиации и словосложения («доко», «лито», «ангсоц», «Миниправ», «телео», «мыслепол» и др.) достигается предельное сокращение коннотативных значений каждого из составляющих слово частей, таким образом новое слово исключает из своего семантического поля нежелательные для идеологов ассоциации и закрепляет новую семантику исключительно в прагматическом поле использования языка (воздействие, указание, отнесение, обращение внимания). Не менее важным фактором сращения и сокращения слов является психофонетический. Как поясняет сам Оруэлл, *«многие из [слов] (...) были двух- и трехсложными, причем ударения падали и на первой, и на последний слог. Они побуждали человека тараторить, речь его становилась отрывистой и монотонной. Это как раз и требовалось».* Очевидно, что посредством этого способа языкового моделирования достигается идеологическая цель формирования унифицированной и при этом дискретной картины мира, дискретность и тезисность которой обусловлена возможностью рекомбинации когнитивных моделей (равно как и речевых высказываний) без существенной потери общего (прагматического) смысла. За счёт аббревиации и словосложения происходит своего рода «синтезирование» мира, его пересборка из составных элементов, при этом действительность приобретает новые смысловые структуры. Спектр возможных нежелательных референций устраняется, происходит своего рода «семантическая имплозия» действительности. В соответствии с процедурной семантикой Ф. Джонсона-Лэрда [Джонсон-Лэрд, 1988], в этом случае мы наблюдаем замещение эксплицитных умозаключений имплицитными. Скорость их появления будет тем выше, чем меньше

новой информации будет получать реципиент. В условиях «коннотативной» стерильности информационного пространства, контролируемого Большим Братом, реципиент практически не получает новой информации, следовательно, процесс принятия имплицитных умозаключений будет предельно облегчен. В результате, реципиент не испытывает необходимости в пересмотре идеологизированной ментальной модели.

Легкость выговаривания политически выверенных фраз должна была привести к тому, чтобы их произнесение потеряло связь с мыслепорождением – так идеологи предполагали завершить формирование человека нового общества. В сознании этого человека не смогут появиться идеи, враждебные новой идеологии, потому что эти идеи не имеют словесного обозначения в «новоязе». Если преступления и ошибки не имеют названия, то они и «немыслимы», а значит, идеальное общество «ангсоца» будет состоять из идеальных людей.

Наконец, важным способом языкового моделирования является *структурирование тезауруса* новояза, его разделения на три словаря – А, В и С. Эта процедура воспроизводит идеологическую интенцию структурирования и иерархизации социальной реальности. Каждый из словарей воспроизводит определенную ментальную модель реальности: словарь А – модель сферы бытовых действий и повседневных практик, словарь В (самый обширный) – модель общественно-политической жизни и идеологии, словарь С (вспомогательный и достаточно скудный по сравнению со словарем В) – модель научно-технической специализированной сферы. Такое распределение лексики наглядно демонстрирует распределение контроля и приоритетов в общественной жизни, где политические смыслы имеют ключевое значение, а наука и техника – вспомогательное.

«Мы»: «выпрямление реальности»

Роман Е. Замятина «Мы» также можно интерпретировать с точки зрения того, насколько связано идеологически обусловленное переосмысление реальности и язык, который с этой реальностью связан. Перед нами текст, написанный человеком, который живёт в новом мире и пользуется новым языком, созданным по модели этого мира и внедряющим основные идеи этого мира в сознание людей.

Текст романа «Мы» имеет форму дневниковых записей. Таким образом, язык, которым написан этот дневник, является выражением представлений, ценностей, идей, сформированных в сознании носителя языка в процессе создания нового мира. В языке представлена модель этого мира, основные черты которого можно охарактеризовать.

По мысли автора, это линейный, исчисляемый, математизированный мир, идеальным воплощением которого является прямая линия. Этот мир в самом сложном воплощении (вселенная) описывается уравнением («уравнение вселенной»), то есть сводится к математическому равенству, которое упрощает все возможное многообразие. Если же что-то не укладывается в эту модель, выходит за пределы смоделированного, то это следует выпрямить – *«разогнуть дикую кривую»*.

«Математизация» нового мира в романе «Мы» представляется социально глобальным явлением, которое нашло отражение в таком разделе языка, как ономастика, а точнее – в антропонимике: личные имена заменены буквенно-цифровыми обозначениями (I-330, Д-503). В тексте нет сведений о том, как осуществлялось наименование, но номера названы «государственными»; очевидно, что принцип произвольности первоначального выбора имени собственного – антропонима в новом обществе не соблюдается. Скорее всего, комбинации букв и цифр – это маркер принадлежности к обществу, в котором все «нумера» одинаковы и подчиняются законам системы.

Математизация пронизывает всю жизнь социума и является основой и символом его существования: законы и мораль основываются «на четырех правилах арифметики». Таблица умножения возводится в абсолют: *мудрое, вечное счастье таблицы умножения; таблица умножения мудрее, абсолютнее древнего Бога: она никогда ... не ошибается*. Истина как понятие морали измеряется и поверяется таблицей умножения; так же «математически» характеризуются и другие ценностные категории: *... блаженство и зависть – это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем; ...знаменатель дроби счастья приведен к нулю – дробь превращается в великоленную бесконечность*.

Система устанавливает жёсткие ценностные нормы, в соответствии с которыми явления действительности оцениваются только в крайних валлоативных категориях, то есть задаётся жёсткая шкала оценивания, не предполагающая промежуточных вариантов. Утверждение новых идеологических ценностей происходит в рамках этой шкалы.

Личные местоимения «я» и «мы» в языке Единого государства идеологически нагружены и наделены оценочностью: «я» – отрицательной, «мы» – положительной. Этим оценкам рассказчик находит математическое обоснование, оперируя терминами «грамм» и «тонна» и экстраполируя их на сферу гражданского права: «грамму» соответствуют обязанности, а «тонне» – «права». Логика рассуждающего приводит к выводам: *«МЫ» – от Бога, а «Я» – от дьявола; естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты – грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...*

Положительно оцениваются и сами служат маркерами положительной оценки такие характеристики, как точность, логичность, рациональность, прозрачность, зеркальность, гладкость, монохромность, повторяемость, однообразие. Красота связана с отсутствием не прямых линий: *И такая точная красота: ни одного лишнего жеста, изгиба, поворота.* Противоположные характеристики: многообразие, многоцветность, непрозрачность, «мохнатость», индивидуальность, обособленность, неупорядоченность, «неэвклидность» – соответствуют отрицательной оценке. Всё, что *«вне ratio»*, не имеет право на существование в новом мире: появление (или проявление) души рассматривается как опасная болезнь, эпидемия, с которой надо бороться. Отсутствие колебаний, изгибов – то есть отклонений от прямой, вариантов – признается критерием истинности и законности, основой миропорядка. Это отражается и в языке: по мнению героя-повествователя, человек становится человеком в полном смысле слова только тогда, *когда в его грамматике совершенно нет вопросительных знаков, но лишь одни восклицательные, запятые и точки*, то есть когда нет ни сомнений, ни вопросов.

Свобода в новом мире – это явление отрицательное (что отражено в контексте при помощи лексем, имеющих отрицательную коннотацию: *в диком состоянии свободы; в состоянии свободы, т. е. зверей, обезьян, стада; жалка своевольная ... музыка; свобода и*

преступление ... неразрывно связаны между собой; Единственное средство избавить человека от преступлений — это избавить его от свободы), а несвобода, то есть соответствие жёстким правилам, — положительное (идеальная несвобода, танец красив, потому что это несвободное движение...; математически-безошибочное счастье, математически совершенная жизнь, благодетельное иго разума; заставить ... быть счастливыми).

В соответствии с новой идеологией математические термины в речи сопровождаются положительно оценочными определениями: *божественная, точная, мудрая прямая — мудрейшая из линий, божественные параллелепипеды, квадратная гармония*. Возможно, оценочность терминов связана с тем, что они репрезентируют Единую Государственную Науку — безупречную с точки зрения автора дневника: *Единая Государственная Наука ошибаться не может*.

Новая идеология требует новых идеологем и терминов, отражающих реалии новой жизни. Для этого чаще всего используются слова старого языка, переосмысленные в соответствии с новыми представлениями об общественном устройстве: *Часовая Скрижаль, Благодетель, Хранители* и др. Семантика этих понятий изменена, но им свойственная прежняя высокая стилистическая окраска, не соответствующая их новому содержанию. Высокое книжное наименование *Часовая Скрижаль* соответствует старому «распорядок дня»; *Благодетель* — палач, который совершает казни, но и верховное, богоподобное существо: *ради Благодетеля (ср. ради Бога); Хранители*, а позже — *Ангелы-Хранители* — сотрудники правоохранительных органов, а точнее — те, кто следит, чтобы «нумера» не нарушали *ход великой Государственной Машины; праздник Правосудия* — это казнь.

Термины, соответствующие новым социальным практикам, создаются при помощи сложнокращенного способа образования с использованием продуктивных моделей: *детоводство (садоводство, куроводство, рыбоводство), музыкаметр* и др.

В Едином Государстве придается большое значение слову, которое функционально приравнивается к оружию (*прежде оружия — мы испытываем слово*). Поэтическое слово сопровождает важные, символические события: казнь преступников предваряется провозглашением стихотворных приговоров, оды и поэмы сочиняются

для того, чтобы «проинтегрировать» космическое пространство. Поэзия предстает как утилитарная функция, выполняемая в рамках государственной службы, по приказу и лишенная такой ранее обязательной составляющей, как творчество и вдохновение: ... *лира – утренний шорох электрических зубных щеток и грозный треск искр в Машине Благодетеля, и величественное эхо гимна Единому Государству, и интимный звон хрустально-сияющей ночной вазы, и волнующий треск падающих штор, и веселые голоса новейшей поваренной книги.* Поэзия рифмуется с *полезность*, и этим очерчивается её роль в новом социуме.

Таким образом, «устройство» языка фантастического Единого Государства представляет собой его модель: жёсткую конструкцию, в которой отсутствуют полутона, вариации и неясности. Перемена «полюсов оценочности» отражает коренные (по сравнению с прежним социальным устройством) изменения в системе ценностей. Стремление «выпрямить» всё в соответствии с новой идеологией, сделать однозначным, лишит индивидуальности и яркости приводит к «математизации» дискурса и социальных практик.

Е. Замятин создал убедительную языковую картину нового мира, который многократно объяснён и превознесён в рассуждениях автора дневниковых записей. Однако писатель указывает на логическую несостоятельность всех этих умопостроений, приведя в записи 20 «самый главный» аргумент: *reductio ad finem*. Это аллюзия к латинскому выражению *reductio ad absurdum*, которое обозначает доведение ошибочной мысли до абсурда таким её развитием, при котором ошибка становится очевидной.

«День опричника»: стратегия эмотивной «этнизации»

Рольв Миккель Блакар в работе «Язык как инструмент социальной власти» [Блакар, 1987] выделяет три компонента языкового высказывания – референциальный, ассоциативный и эмотивный. Эти компоненты сопоставимы с тремя аспектами семиозиса в коммуникации: референциальный компонент выражает семантические связи между знаком и референциальным полем; ассоциативный компонент частично выражает синтаксические связи (связи с другими речевыми элементами, включая отсылки к прецедентным текстам) и частично – связи с когнитивными моделями, разделяемыми в обществе как объекте языкового воздействия;

эмотивный – выражает прагматический аспект семиозиса, связанный с моделированием когнитивных установок и поведенческих моделей у объекта воздействия.

В идеологических высказываниях референциальный компонент подменяется эмотивным, что подразумевает активную эксплуатацию эмоций – как позитивных (в контексте социальной мобилизации и легитимации социального порядка), так и негативных (формирование негативного образа врага, агональная риторика противоборства, закрепление негативных установок по отношению к оппонентам идеологического порядка). Так, в произведении В.Г. Сорокина «День опричника» эта стратегия представлена искусственной и масштабной заменой слов иностранного происхождения «исконными русскими словами» («пузырь вестевой» вместо «телевизор», «вестники» – вместо «журналисты», «стрельцы – вместо «полицейские» и т.п.), при которой вытесняется не столько референциальное поле лексических единиц (обозначаемые предметы остаются в системе быта и повседневных действий персонажей романа), сколько «идеологически чуждая» система коннотаций. Подобное положение дел в практике использования языка соответствует общему положению дел в государстве, описанному в книге: по сюжету антиутопического произведения Россия окружила себя т.н. «Великой Русской Стеной» с целью оградить себя от внешнего мира, восстановила монархию, ввела институт опричнины как ключевой контрольно-репрессивный механизм, предельно лимитировала использование западных товаров в жизни граждан, внедрила жёсткую националистическую идеологию. Таким образом конструируются и закрепляются в языковой картине мира ассоциативные связи с русским традиционным укладом, этнокультурные образы, происходит своего рода «этнизация» контекста повседневных действий и практик. В целом такая стратегия ориентирована на стимулирование эмотивного компонента идеологических высказываний (воздействие на аксиологические и мировоззренческие аспекты массового сознания), осуществление социального контроля над смысложизненными ориентациями индивидов.

Идеологическая картина мира: структура реальности как структура языка

Р. Блакар определяет шесть языковых инструментов социальной власти: 1) выбор слов и выражений (например, исключение из социальных практик заимствованных слов и активное использование слов «народного» происхождения); 2) создание (новых) слов и выражений (см. Словарь В «новояза»); 3) выбор грамматической формы (например, выбор между действительным и страдательным залогом или унификация правил склонения); 4) выбор последовательности (использование градаций; включение объектов в категории или исключение из них); 5) использование суперсегментных признаков (просодика: тон, эмфазы); 6) выбор имплицитных или подразумеваемых предпосылок [Блакар, 1987, с. 102]. Все эти инструменты, как правило, тесно связаны между собой, и использование одного из них (например, выбора слов и выражений) предполагает применение другого (например, выбор имплицитных предпосылок). В условиях идеологической (тоталитарной) коммуникации использование расширенного спектра языковых инструментов социальной власти предполагает ограничение или полную элиминацию выбора адресатом возможных интерпретаций сообщения. Иными словами, герои антиутопических произведений, вероятно, и могли бы составить своё собственное (индивидуальное) суждение о положении дел и сформировать свои персональные интерпретации, если бы у них был выбор между различными доступными номинациями или точками зрения на один и тот же феномен или ситуацию или, в конце концов, доступ к новой информации. Однако они лишены этого выбора в силу того, что публичный (о котором преимущественно ведёт речь Дж. Оруэлл) и повседневный (которому большее внимание уделяет Е. Замятин) дискурсы структурированы в соответствии с ограниченным набором языковых и речевых стандартов и клише. Действительность предъявляется в идеологическом дискурсе как модально и оценочно инвариантная, и эта репрезентация конституируется как лингвистически (с помощью «утверждённого» в качестве безальтернативного лексического, грамматического и синтаксического порядка), так и коммуникативно (за счёт блокировки или устранения альтернативных источников информации или интерпретаторов). В антиутопических романах показано, что лингвистический порядок может быть утверждён как институционально, так и социокультурно, с

помощью обновлённой исторической языковой традиции. Гарантом и условием коммуникативного порядка выступают «Большой брат» (в произведении Дж. Оруэлла), «Единое государство» (в произведении Е. Замятина) и «Государь» (в произведении В. Сорокина). Именно их позиция в коммуникации маркирована как идеальная для конструирования индивидуальных позиций интерпретаторов / адресатов.

Таким образом, в антиутопических произведениях мы наблюдаем «вскрытие» механизма идеологического моделирования социальной действительности посредством языка. «Логика» процесса языкового моделирования включает в себя следующую линейную последовательность процедур: 1) лексическое номинирование и грамматические трансформации; 2) семантические смещения и усиление прагматического (эмотивного, утилитарного) компонента высказываний; 3) формирование / коррекция сценарно-фреймовых структур; 4) конструирование / коррекция ментальных моделей, основанных на оценочных схематизированных репрезентациях и предполагающих имплицитные умозаключения; 5) моделирование языковой картины мира, основанной на инвариантных ментальных моделях; 6) конструирование / коррекция (дискурсивных и поведенческих) практик, детерминированных языковой картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 88-125.

ван Дейк, Т.А. Дискурс и власть Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – 1988. – С. 234-257.

Замятин, Е.И. Мы / Е.И. Замятин. – Москва: АСТ, 2005. – 478 с.

Мишанкина, Н. А. Информационное моделирование в языке / Н.А. Мишанкина. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: [http://edu.tsu.ru/eor/resource/141/tpl/index.html#\(08.02.2018\)](http://edu.tsu.ru/eor/resource/141/tpl/index.html#(08.02.2018)).

Оруэлл, Дж. 1984 / Пер. с англ. В. Гольшера; предисл. В. Чаликовой / Дж. Оруэлл. – Москва: ДЭМ, 1989. – 320 с.

Сергеев, В. М. Введение / В.М. Сергеев // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 3-19.

Сёрль, Дж. Р. Логический статус художественного дискурса / Дж. Р. Сёрль // Логос. – 1999. – № 3(13). – С. 34-47.

Сорокин, В. День опричника / В. Сорокин. – Москва: Захаров, 2009. – 224 с.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва: Гнозис, 2004. – 324 с.

REFERENCES:

Blakar, R. Jazyk kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-jempiricheskie issledovanija jazyka i ego ispol'zovanija v social'nom kontekste) / R. Blakar // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija: Pervody. – Moscow: Progress, 1987. – S. 88-125.

Johnson-Leard, F. Procedurnaja semantika i psihologija znachenija / F. Johnson-Leard // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XXIII. Kognitivnye aspekty jazyka. 1988. – S. 234-257.

Mishankina, N.A. Informatsionnoye modelirovaniye v yazyke. – Tomsk: Tomsk State University, 2010. [EHlektronnyj resurs]. – URL: [http://edu.tsu.ru/eor/resource/141/tpl/index.html#\(08.02.2018\)](http://edu.tsu.ru/eor/resource/141/tpl/index.html#(08.02.2018)).

Orwell, G. 1984 / G. Orwell. – Moscow: DEM, 1989. – 320 s.

Searl, J. R. Logicheskij status hudozhestvennogo diskursa / J. R. Searl // Logos. – 1999. – № 3(13). – S. 34-47.

Sergeev, V.M. Vvedenie / V.M. Sergeev // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija: Pervody Moscow: Progress, 1989. – S. 3-19.

Shejgal, E.I. Semiotika politicheskogo diskursa / E.I. Shejgal. – Moscow: Gnozis, 2004. – 324 s.

Sorokin, V. Den' oprichnika / V. Sorokin. – Moscow: Zakharov, 2009. – 224 s.

van Dijk, T.A. Diskurs i vlast'. Reprerentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii / T.A. van Dijk. – Moscow: Librokom, 2013. – 344 s.

Zamjatin, E. My / E. Zamjatin. – Moscow: AST, 2005. – 478 s.